

УДК 17.177

ЛИЧНОСТНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ТЕРРОРИЗМА: НЕГАТИВНАЯ И ПОЗИТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Л.В. Удалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

На основе философских и социально-психологических дискурсивных данных раскрываются особенности личностного конституирования фигуры террориста. Выделяется негативная идентичность как ядро, знаковое содержание, инициирующее психологические причины личностных антиципаций террориста. Противоположностью негативной идентичности предстают позитивная идентичность, укрепляющая достоинство, те личностные качества, наличие которых у молодежи служит противоядием принятию идей терроризма.

Ключевые слова: *эпоха терроризма, личностное конституирование террориста, негативная идентичность, позитивная идентичность, достоинство.*

Сегодня терроризм, или чума XXI в. уже не видится в качестве нового социального явления. Этот феномен занимает одно из центральных проблемных мест в глобализирующемся мире и предстает как эпохальный. Под эпохой терроризма нами понимается такой императивный и наличный способ социально-ориентированного бытия, при котором доминирующей становится идея безграничного, беспредельного, нелегитимного, цепного насилия. Правомерность говорить об эпохе терроризма обусловлена тем, что терроризм – это многообразное и сложное явление. Не существует универсальной дефиниции терроризма, а встречающиеся в социогуманитарном и философском дискурсах его дефиниции указывают на расширяющееся семантическое пространство и когнитивный диссонанс этого социального феномена. Обратим внимание на некоторые из них. Согласно Ж. Бодрийяру, терроризм не креативен в том смысле, что у него нет репродуктивной функции, он ничего не изобретает и не открывает: «...просто доводит всё до крайности, до пароксизма. Он обостряет определенный порядок вещей, определенную логику насилия и неуверенности» [1, с. 136]. Терроризм – это война в мирное время или, согласно дефиниции А. Бенуа: «...способ нанесения максимального ущерба наибольшему числу невинных жертв, как метод целенаправленного умертвления случайно попавшихся людей, применяемый для того, чтобы деморализовать и запугать население, связать руки политическому руководству и принудить его к капитуляции...» [2, с. 95]. В последнее время суицидальный терроризм эксплицируется как «политически, религиозно и/ или идеологически мотивированная атака, осуществляемая одним или несколькими индивидами, которые сознательно отказываются от своей жизни ради нанесения максимального ущерба гражданам и/или гражданским объектам» [3, с. 31]. В такой разновидности терроризма акцентируется отрицание того, что жизнь одного человека равна жизни другого. Речь также идет о том, что в личностном конституировании потенциального или наличного террориста произо-

шло обесценивание как чужой, так и своей жизни. Предложенные дефиниции терроризма указывают на то, что это социальное явление не только констатирует нарушение социального и правового порядка, но предстает определенным способом разрешения мировых и локальных проблем человечества.

Ранее мы писали о том, что фигура террориста конституируется не как личность с такими коннотациями, как духовно-нравственные приоритеты, позитивная идентичность, просоциальное мышление, свобода выбора, ответственность, поступок, а как массовая личность, недоличность или безличность. Сегодня в этот перечень правомерно добавить и то, что личности террориста имманентна негативная или ущербная идентичность, от которой он стремится избавиться. Порождают такой негатив конкретные жизненные ситуации: психотравма, моральный «износ», потеря смысложизненных ориентиров, социальное, личностное, моральное, физическое унижение, одиночество, отчуждение, финансовые неудачи и т. д. Вне сомнения, комплекс неполноценности, как характерная черта личности террориста играет свою разрушительную роль, он «...чаще всего является причиной агрессии и жестокого поведения, выступающих в качестве механизмов компенсации. Комплекс неполноценности ведет к сверхконцентрации на защите “Я” с постоянной агрессивно-оборонительной способностью» [4, с. 31]. Стать «избранным», как предлагают и внушают вербовщики ИГИЛ и других террористических организаций, получить спасение (религиозное, духовное, социальное, личное, физическое), найти образ нового общества, видится и объясняется способом преодоления «следа задержанного аффекта».

Как известно, идентичность – это способность к самоидентификации, осознание факта интегрированности человека и общества, опосредованная присутствием значимого «Другого» рефлексивная самореферентность. Взаимосвязь с «Другим» – необходимое условие бытия идентичности, как позитивной, так и негативной. Как известно, человек – автор своей идентичности и ответственен за выбор образа себя. Этот выбор позволяет формировать ценностные предпочтения, смысловые приоритеты, что влечет формирование определенной линии нравственных отношений с Другим. В случае позитивной идентичности формируется Я-образ через целостность и персональность структуры субъективной реальности с такими психологическими константами как самоутверждение «за свой счет», через внутренние ресурсы самоуважения, самополагания, самореализацию, самооценку, рефлексии. Экспликация позитивной идентичности указывает на наличие такого личностного маркера как достоинство.

В социально-философском и правовом дискурсах достоинство человека идентифицируется как признание его социальной ценности, автономности, личностной индивидуальности. Оно экзистенциально переживается как осознание и рефлексия человеком своей ценности и неповторимости. В узком смысле достоинство предстает как уважение и самоуважение человеческой личности, в широком – как восхождение к гуманистическому потенциалу человека. В деонтологической этике И. Канта строительство отношений с Другим возможно и необходимо только через собственное личностное достоинство. Игнорирование «добра» в Другом тождественно отрицанию своей личности. Невозможность признать и представить себе Другого в его радикальной инаковости, в его непреодолимой чуждости – внутренний источник для непризнания собственной ценности.

Достоинство рефлексруется в качестве механизма психологической защиты, который влечет регулятивный самоконтроль и позволяет управлять страхом. Известно, что одна из целевых задач терроризма – унижение личного достоинства и потеря социального достоинства, которые достигаются путем раскола общества, нагнетания страха, создания пространства неуверенности в настоящем и будущем, формирования психологической атмосферы уязвимости. Все деяния террористов, их практики, включая суицидальную практику, подтверждают самоотрицание, отрицание чужой жизни и достоинства.

В случае негативного идентитета его наделяют сопряженными коннотациями и сопутствующими понятиями – нецелостность, неполнота, фрагментарность человеческого и личностного бытия, разрушение и кризис единства сознания и Я, ненависть, жертвенность, одиночество, неполноценность, недосамостность, ущербность. Отрицательная идентичность рождается, по мнению Н.Г. Козина, из кризиса идентичности, идентификационного невроза, который «заявляет» о неспособности жить полноценной жизнью, что влечет разрывы между «сущностью и существованием» и приводит к безумию существования, выраженного как акт творения истории без прошлого, или инициирует к созданию культуры без ее духовных основ [5, с. 43].

Выделение негативной, отрицающей и себя и Другого, идентичности предполагает наличие сформированного «черного» или злодейского образа Другого и поиск светлого образа для себя. В террор-идеологеме новейший образ врага – это собирательный образ западных стран, как крестоносцев и евреев, которым противостоит традиция исламского сопротивления – кому? Агрессивно-гегемонистской военной, культурной политико-экономической державе, американским оккупантам, вредителям ислама и исламского мира, а также стоящим за их спиной евреям и т. д. [6, с. 63]. Или России, враждебный образ которой для подавляющей части россиян, вступающих в ряды ИГИЛ, т. е. для молодежи с Кавказа, социокультурно и генетически «обусловлен». Светлый террор-образ, например для ИГИЛ, рисуется через отрицание традиционных социальных моделей ближневосточного бытия, политического устройства, государственных границ, религиозных символов, укоренившихся взаимоотношений. Одновременно «рисуется» идеал умозрительного исламского государства, привлекательный образ нового мира как справедливого, достойного иной жизни. Обоснованием служит исламская эсхатология, исламская символика с целью провозглашения халифата, который придет на смену тираническим режимам в арабском мире.

Исследователи личностных особенностей террористов указывают на некоторые характерные признаки негативной, «мортидной» идентичности. Среди них – та «незрелая» самоидентификация, которая порождена проблемами психосоциальной идентификации. Невозможность согласования множества социальных идентификаций приводит не только к конфликту идентичностей, но и к распаду «Я-идентичности» или самоидентичности человека. Слабая личностная идентичность, которая не способна проложить путь к достоинству, инициирует стремление к усилению социальной идентификации или террористической групповой принадлежности и, как следствие, процесс «жалкого» самооправдания. Описание такого самооправдания или методов освобождения от моральной оценки последствий своих террористических действий дано одним из значительных зарубежным персонологов А. Бандурой [7]. Известно, что моральные оправдания террористов представлены, например, как идея

спасения человечества от мирового зла, идущего от западной цивилизации. Техникой оправдания может быть перенос или «смещение» ответственности на лидеров террор-группы. Среди методов ухода от морального оценивания, например, представление о жертвах террора как иноверцах. Заметим, что путь «Убей иноверцев, и ты приблизишься к Богу» в сути своей амбивалентен, «шизоиден».

Использование механизма морального выключения объясняется тем, что в мировоззрении и личностных характеристиках «наличных» террористов наблюдаются ценностные приоритеты, фундированные в те или иные этические системы. В. Лефевр был первым разработчиком теоретической модели, предсказывающей существование тех паттернов поведения, которые должны проявлять себя в ситуациях морального выбора и лежащей в основе компьютерной модели личности террориста. Его формальная модель выбора выявляет склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту, он пишет: «В рамках этой модели таких отношений может быть только два – союз или конфликт. Выбор одного из них предопределяется не утилитарными ценностями, а высшими. Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. Человек, рассматриваемый в своей культуре как достойный, стремится выбрать такое отношение, при котором этический статус образа себя будет выше, т. е. субъект будет лучше выглядеть в собственных глазах по сравнению с образом другого» [8, с. 155]. Модели выбора укоренены в две этические системы. В первой этической системе соединение добра и зла «кодируется» как зло, поскольку «цель оправдывает средства», а достойный человек стремится к компромиссу с другим человеком, что видится как парадоксальность. В моральном сознании, рожденном во второй этической системе соединение «добра» и «зла» предстает как «добро», иначе говоря «любой ценой к победе». Здесь достойный человек нацелен на конфронтацию с другим. В.А. Лепский справедливо акцентирует внимание на том, что в разных культурах «системы ценностей» могут быть одинаковыми, а этические системы – разными, что необходимо учитывать, разрабатывая стратегию борьбы с мировым терроризмом. Известный отечественный ученый аргументирует это так называемым «парадоксом талибов». Как известно, молодежная организация талибов совершила противосоюзнический антиамериканский поворот, причина которого находит свое объяснение в том, что организации талибов имманентна вторая этическая система. Следовательно, компромисс с американцами унижает её в собственных глазах, вне зависимости от тех материальных благ, которые сулит этот компромисс [9].

Из разных источников известно, что около 10 тысяч граждан России воюют за запрещенную в России ИГИЛ. Значительная часть – молодежь, которую вовлекают при помощи современных методов вербовки, информационных, психотехнических технологий, «агрессивного маркетинга» [10]. Масштаб вовлеченности имеет своим объяснением и то, что современный молодой человек живет в эпоху мобильности, под которой мыслится динамизм и технологическое ускорение социальных действий и коммуникаций, масштабность и скорость многочисленных изменений в обществе. Для человека как социального субъекта мобильность – это внутренняя готовность к форсажным трансформациям, инновационная активность, гибкость и пластичность мышления, практический интеллект. Для личностного модуса бытия или статуса мобильность предстает как волевая, рефлексивная мощь к ускоренной интерактивности в коммуникациях. Как замечают

исследователи, позитивные коннотации мобильности сопряжены с негативными. Так, молодой человек, будучи мобильным и гибким, меняет свой вектор от способности развиваться к способности трансформироваться. Речь идет о том, что он исключает для себя прошлое, отрицает историческую идентичность, самоощущает себя и переживает настоящее с проекцией в будущее. В аксиологическом измерении это влечет разрыв с традиционной, например, классической иерархической системой смыслов и ценностей и предполагает как бы без социокультурного якоря заниматься вечным поиском себя.

В итоге на фоне глобальной транзитивности, тотальной социальной неопределенности, множасьихся рисков чрезмерной тревожности, деформации ценностных приоритетов, личностных потребностей в самоутверждении, наличие таких личностно ориентированных маркеров, как вовлеченность и мобильность у молодежи становятся привлекательным «материалом» для применения террор-технологий.

Веря, вместе с Ж. Бодрийаром в то, что сила Добра и Зла возрастает одновременно и в той же динамике, используя данные о личностном профиле «нового» террориста [11], в качестве путеводной нити противостояния и идеологическому вакууму в современном отечестве, и террор-идеологемам видится формирование у молодежи вышеназванных личностных качеств достоинства.

Список литературы

1. Бодрийар Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛклассик, 2016. 224 с.
2. Бенуа А. де. Карл Шмит сегодня / пер. с фр. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2014. 192 с.
3. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма в XXI веке // Психологический журнал. 2011. Том 32, № 4. С. 30–44.
4. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1(1). С.28–32.
5. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1. С.37–48.
6. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: АНФ. 2016. 346 с.
7. Bandura A. Mechanisms of Moral Disengagement // Reich W. (ed.), *Origins of terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P.161–191.
8. Лефевр В. Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154–157.
9. Лепский В.А. Этические модели В.А. Лефевра в контексте развития научной рациональности // Философские науки. 2016. № 8. С.40–53.
10. Юревич А.В. Причины вступления молодежи в ИГИЛ: Социально-психологический анализ // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. №2 (78). С. 24–31.

11. Соснин В.А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 344 с.

**PERSONALITY CONSTITUTION IN THE TERRORISM AGE:
NEGATIVE AND POSITIVE IDENTITY**

L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver

The article examines the specific characteristics of a terrorist's personal identification in philosophical and socio-psychological perspectives. A negative identity is defined as a nucleus, a symbolic content that initiates the psychological reasons for the personal anticipations of the terrorist. In contrast to the negative identity, a positive identity is based on dignity and those personal qualities that serve for the young people as an antidote to accepting the ideas of terrorism.

Keywords: *era of terrorism, personal constitution of a terrorist, negative identity, positive identity, dignity.*

Об авторе:

УДАЛОВА Лариса Викторовна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

UDALOVA Larisa Viktorovna – Ph.D. student of psychology and philosophy Dept., Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru